

НАЧНЕМ ЖЕ БЕГИН

И нам вдруг становится ясно,
До каких вознеслись мы вершин...¹

Так говорил Перри Комо, боевой товарищ в вечном хоре седьмых сыновей, и так говорим мы все. Поезд преодолевает границу графства и бежит к моему старому родному городку, а перестук железных колес выпевает “начнем же бегин давай бегин давай бегин”. Наводит меня на мысль — так же, как с незримой черты начинается любое селенье. Такова же в некотором смысле всякая повесть. Начинать с чего повесть о силе и величии любви и всей прочей дребедени?² Более того, как распознать концовку? Вот вопрос на миллион долларов. Потому что стоит начать, как — вернее некуда — устремляешься к концовке. Но никак не узнать всю концовку целиком, покуда она себя не явит. И дальнейшее уж не в наших руках. Лучше меня об этом никто не

- 1 Строки из песни *Begin the Beguine* (1935) американского композитора-песенника Коула Артура Портера; эту песню исполняли, среди прочих, Фрэнк Синатра, Элла Фицджералд, Перри Комо и Элвис Пресли. Бегин — музыкальная и танцевальная форма, похожая на медленную румбу. — *Здесь и далее примеч. перев.*
- 2 Отсылка к песне Франсиса Лэ на слова Карла Сигмена из американского кинофильма “История любви” (*Love Story*, 1970) режиссера Артура Хиллера.

скажет — с учетом прискорбной моей кончины: не стало меня, насколько сам я могу судить, 2 сентября, четыре года назад, и пережили меня жена моя Джоззи, широко известная как Матерь, и семь здоровых отпрысков. Последние мгновенья в человеческом теле я провел, слетая с горбатого мостика с сыном моим Мосси за рулем рядом, и матерился он, как сапожник.

Теперь меня, так сказать, вернули. Но не себе самому. Я обитаю в маленькой деревянной фигурке. Чудная у меня теперь точка обзора. Оказавшись на моем месте, кое-что начинаешь видеть, замечаешь кое-какие подробности, но нет у тебя никакой воли, чтоб ее изъяснить. Никакой воли, да и, что важней, никакого желания. Повинуешься причудам чего угодно, что б тебя ни захватило. Сейчас вот меня захватили звуки этого поезда, а сам я лежу себе среди пожитков племянницы моей Лены. Ну-ка за мною в Карлоу, вяжите ленту желтую, еду я домой¹.

Скажу я вам истину, на которой мы выросли. Вы, может, слышали такое: Карлоу знаменито тем, что именно здесь прибили последнего волка в Ирландии. А знать вы про то можете, потому что есть такая Волчья ночь — ночь музыки и плясок, когда все лопают зеленый лук² и учиняют всякое балаганство.

Балаганство — это мое такое слово. Не ведаю, то ли из ниоткуда я слова таскаю, то ли надувает мне их откуда-

- 1 Слияние строк из двух песен: *Follow me up to Carlow*, музыка народная, слова ирландского поэта-песенника Патрика Джозефа Маккола и *Tie a Yellow Ribbon Round the Ole Oak Tree* (1973) американских поэта-песенника Ирвина Левина и композитора Расселла Брауна.
- 2 Графство Карлоу с начала XIX века было оплотом ирландского сельского хозяйства и особенно славилось посадками зеленого лука; в графстве устраивают соревнования по поеданию зеленого лука на скорость, а также спортивные команды из Карлоу в Ирландии обиходно называют “луко-едами”.

то, бо слова не шибко мне знакомые вьются над головой у меня пыльной тучей. Складываются ли они там сами, чтобы вышла повесть, или пролетают насквозь по пути к совсем другой цели? Так или иначе, куда или зачем, разницы толком никакой.

Такой вот урок в любом разе усвоил я хорошенько, пока был молодой. Когда мне досталась от отца моего целительская сила, ни разу я не задумался ни про зачем, ни про как — просто принял как есть. На ум мне приходит Фрэнк, мой младший, седьмой сын. Вечно обо всем тревожится, каждое новое беспокойство — что камешек в озеро, сплошь круги по воде бегут и бегут во все стороны, пока Фрэнк сам себя не изведет напроочь.

Унесло меня из этого мига в поезде обратно к тому последнему волку, будто мой дух и его друг другу братские. Я видел его яснее некуда: поджарый зверь, бродил он по лесам в обход площадки учителя танцев в парке “Ошинь”, где смердело человечьим духом. И прочь, вверх по склону горы Лейнстер, наискось до каменистого выступа, откуда видать Бунклоди¹. Никаких у этого малого границ в голове, одни только тропы, каким следовать, да запахи, по каким идти. Последняя трапеза у него, последняя вечеря. Самая вкуснятина из всего, что едал он, — скажем, взрослый кролик.

Испускает он одинокий вой. Ждет, не прилетит ли ответ, — может, еще один самец бродит по землям Лишь или Уэксфорда, а может и того лучше — томительный клич самки, откликом его острой жажде. Ждет, замер, голова вскинута, уши плашмя назад, готов повернуть и унести в любую сторону. Низко слетает сипуха, врывается в его поле зрения, шорох в вересках неподалеку: мелкое зверье старается сделаться мельче, недвижимей. Тишь. Волк

1 Бунклоди — городок на границе графств Карлоу и Уэксфорд в 32 км к юго-востоку от города Карлоу.

бродит в остатках тьмы до утра, до последнего своего рассвета. Возвращается к себе в логово.

Тут как раз просыпается Джон Уотсон, сколупывает иней с козлиной шкуры, какой затянута у него окошко, смотрит, что за день нынче задастся. День в Баллидартоне 1786 года ясный, и Уотсон готов попытать удачу да взять верх над заклятым врагом, что донимает его скотину. Два его волкодава еще спят, дрыгают во сне лапами, прочерчивая узоры в золе у очага.

Тому волку невдомек, что закончится на нем династия, восходящая к тем временам, когда густо было на острове от дубов и вязов. Как и всю предыдущую историю, эту ее часть мы тоже причешем, последние часы волка просты: проснуться, размять затекшие члены, полакать талой водицы. С удовольствием помочиться на древесный ствол, пустить лужу на промерзшую почву. А следом лай псов в воздухе — замереть, прижавшись к земле, качаются над головой ветви ели.

Чудно мне оказаться в давешней той истории, в самой гуще ее. С тех пор, как ушли мои часы, я потерян во времени — и все же вот он я, обживаю волчью шкуру на золотой миг-другой. Поди знай, я б мог тут застрять навеки.

Теперешняя моя планида, уж насколько могу я судить, — оказываться вброшенным в некие места. Я целиком в них, однако ж над ними и вне их одновременно. Я всё и сразу: я уши того волка, внимаю рыку охотничьего пса; я цепкость инея на древесном листе; я легкость золы, что сыплется сквозь решетку очага. Сердце мое — небо, усыпанное звездами. Вот так чтоб уловили вы: ни у чего нет для меня ни начала, ни конца. Чудная это катавасия, вечность в чистилище.

И вот уж бросает меня совершенно в другую сторону, но я остаюсь при этом на том же месте. Есть самая малость таких душ, которые, упомяни при них Карлоу, выловят совсем другую картинку, извлекут ее из глу-

бин серого вещества. Первое электрическое освещение улиц — не с города ли Карлоу началось оно?

Это факт, а мы говаривали, что факты — твой лучший друг. Хотя я и в наилучшем положении, чтоб это оспаривать, ушедши далеко за пределы факта жизни и смерти, как их обычно понимают.

1891-й — год, когда запело в проводах электричество. Провода тянулись между деревянными столбами, деревья для них валил в лесах близ Страдбалли¹, доставляя на возах и вкапывал их не кто иной, как Патрик Уилан, прапрадед вашего покорного. Широко известный как Патта. Ну и вот он, отважный Патта — лес валил будь здоров как, сам себе гильотину городил, профессионально говоря, насколько я могу судить. Потому что прежде той поры служил он городским фонарщиком. Мало что о нем известно, о третьем-то сыне. Или, может, четвертом. Все неприметные в нашей семье, покуда не доберется она до волшебного седьмого номера.

Началом конца ему то электричество было. Перемены он принял к сведению — уехал на Ньюфаундленд. Надо двигаться, а если замрешь — застрянешь.

Заезжал ради какой-то встречи в город сам Парнелл² и в итоге стал почетным гостем при зажиганье огней. Символ новой свободной Ирландии, объявил Парнелл. Начало для Карлоу поры залитых светом улиц и конец источника пропитанья для Патты. С такими вот задачами в жизни и сталкиваешься. Протаптываешь дорожку в одну сторону, а ветер дует целиком и полностью навстречу. Двигаешь на север, а оказываешься лицом

1 Страдбалли — городок в графстве Лиинш в 26 км к северо-западу от Карлоу.

2 Чарлз Стюарт Парнелл (1846—1891) — ирландский политик-националист, лидер Ирландской парламентской партии (1882—1891) и Лиги домашнего правления (1880—1882).

к югу. Мысли у меня тянет то туда, то сюда, как аккордеон, но надо вести рассказ, а потому уловлю-ка я себя за штаны и двину к дому.

Заявлю еще кое-что такое, чтоб уж точно держать флаг Карлоу гордо и наособицу от непримечательных прочих графств. Есть и еще одна причина, почему Карлоу на полморды впереди и распахивает локтями Лонгфорд и Роскоммон, отмечает мелюзгу Лут и Лейтрим. На поле близ города Карлоу расположен самый увесистый дольмен континента Европа.

Да-да, по дороге к Кернанстауну, на склоне холма, на самом виду, по-простому и незатейливо, три здоровенных валуна; эти три держат на себе убойный четвертый, уравновешенный в дюйме от крушения. Дольмен Браунсхилл¹.

Что правда, то правда, тут не как в Слайго, где, говорят, и дорогу-то не перейдешь, не споткнувшись о какой-нибудь мегалитический склеп. Или вот взять Мит, например. Стоишь в очереди, чтоб уловить волшебный луч, тянущий золотые свои пальцы вдоль коридора в Ньюгрейндже, а сам при этом совсем рядом — камень добросить можно — от древнего холма Тары².

То ли дело в Карлоу. Один громадный дольмен. Будь здоров какая усыпальница. Крышка — сотня тонн с мелочью, говорят. Точно определить трудно, потому как на весы его не бросишь, но люди, сведущие в этих делах, подтверждают молву. Чтоб собрать такой дольмен, пришлось поднатужиться. Мы ничего не делаем тяп-ляп. Но

- 1 Дольмен Браунсхилл расположен в 4 км к востоку от Карлоу.
- 2 Ньюгрейндж (*ирл. Sí an Bhrí*, ок. 2500 до н. э.) — мегалитическая коридорная гробница в графстве Мит в 40 км к северу от Дублина в долине реки Бойн. Тара (*ирл. Teamhair na Rí*) — известняковая возвышенность на реке Бойн в графстве Мит в 32 км к северу от Дублина, считается местом древней столицы Ирландии.

и не переусердствуем. Построили один, оставили его в покое, поехали дальше.

Начало — и окончания. Как потроха любой повести. Мне всегда казалось, что дело это довольно незатейливо: рассказываешь, попросту излагая начало, середину и конец. Или, если есть у тебя талант, может, записываешь пером на бумаге. Но теперь-то я увидел, что дорог в повесть и из нее ой как много. В странном я тут положении: и перо я, и бумага, и чернила, что из пера на бумагу бегут, и око, что смотрит на это, и ум, оживляющий черно-белую плоскость до зрелища. “Оживлять” — вот еще слово, с которым я в предыдущей жизни знаком толком не был. Но так оно и есть. Стоит только взяться рассказывать что-то, как получается, будто открывается дверь и тем самым оживает прошлое и создается будущее. А про настоящее и думать забудь — оно исчезает. Никак не меньше. Трудно описать даже себе самому, но из всех этих турусов должна возникнуть некая повесть. Думал я, что добрался до конца, как это бывает, когда умираешь, думал, все, что случилось потом или не случилось, ко мне уж никакого касательства не имеет. А теперь вот мне интересно, конец ли это моей повести или начало чьей-то еще? Или все мы переплетены где-то в середине, что длится себе и длится?

И нам вдруг становится ясно,
До каких вознеслись мы вершин,
Когда начинают бегин...

Мне нужны вы

Вторник, разгар дня, у нашего заднего крыльца возникает смазливая молодая ван¹ с худосочным щенявым пацаненком.

— Миссис Уилан дома? — спрашивает.

— Не, — говорю. Глазеет на меня так, думаю я, будто на бороде у меня куриным карри намазано или еще что не так. Ну, на всякий случай тру подбородок и нос, а малявка давай повторять за мной.

— Вернется скоро? — говорит.

— С Матерью никогда не знаешь. Сама себе ветер вольный.

— Я насчет лечения. — Стоит, поправляет сумку. Ремень от сумки немножко оттягивает ей ворот, и видно ключичную косточку. Уж очень она ровная, косточка эта.

— Вообще-то вам нужен я, — говорю и следом чувствую, как от мысли, что, может, предстоит руку к этой девушке приложить, краснота прет мне вверх по шее. Ну, не прямо к девушке, а в паре дюймов над тем местом, где у нее там болезнь. — Мать все больше

¹ Ван (*искаж.* от ирл. *ban*) — женщина; в ирландском при добавлении определенного артикля к слову *ban* оно превращается в *bhan* и читается “ван”.

по духам-проводникам, гаданью на заварке и всякому такому.

— Я неправильно поняла, значит. Чего б не попробовать все равно, раз уж мы здесь. Лишай можем?

Лишай и в лучшие-то времена — дело хитрое, а я все еще жду, когда они настанут, те лучшие времена. Говорят, у отца дар целиком проявился уже к пяти годам, а его отец умел вывести из человека заразу, мазнув большим пальцем левой руки, к десяти годам. Мой прадед никаких признаков не выказывал вплоть до шестнадцатилетия, а после мог Лазаря из могилы поднять. В смысле, если смерть Лазаря хоть как-то связана была с неполадками кровоснабжения. Я не бросал надеяться до своих восемнадцати, но тот день рождения случился два года назад, а я по-прежнему вожусь с бородавками и случайными сыпями. Вот бы жив был Батя, чтоб меня направить.

— Шик. Заходите, — говорю. — Он в основном где? На животе часто случается.

— Это не у меня, — говорит, а сама зыркает сурово. — У него. На ноге.

— Я еще бородавки могу, пока вы тут, — говорю, чтоб себе как-то почву подготовить. — Если у ребенка есть. На руках?

Мальчонка поглядывает на мать с сомнением.

— Конор, покажи дяде руки.

Пацан дерет пальцами в воздухе, как тигр.

— А ну хватит.

Он выпрямляет пальцы, протягивает мне сперва средний, следом остальные. Грязные ногти, на большом пальце имеем заусенчатость, но бородавок не наблюдается.

— Все вроде чисто. Хотя они иногда бывают скрытые.

— Скрытые бородавки? — переспрашивает вроде как с любопытством.

— Ага, — говорю, стараясь не очень-то выделываться. — Это вроде как моя тема. В данное время. Специализируешься на чем-то, а потом расширяешь охват.

— А.

— Если, допустим, я был бы по суставам, чинил бы колени и плечи. Бедро. — “Бедро” выходит слишком напористо, будто я про них думаю. — Или вот был бы ухо-горло-носом.

Они оба глазеют на меня, и ум велит мне уже, блин, заткнуться, а рот все равно:

— Ну, смотришь, что проявится, что возникнет — постепенно. У каждого поколения по-своему, нипочем не угадаешь. Вы, видать, слышали про моего Батю, Билли Уилана, он знаменитый был по части всякого пищеварительного, по кожным болезням, в целом боль облегчал. Вообще-то всего понемногу. Теперь много чего ожидается от иммунной системы, это новая область. В некотором смысле. Хотя, ну, сменная лихорадка, она всегда была. И всякое такое.

— Бородавки? — она мне.

— Ага.

— Любые бородавки? — говорит.

— Ага.

— Генитальные?

— Что за херня?

Она меня пришивает взглядом.

— Что за выражения. — Кивает на мальчика, тот сковыривает корочку с локтя.

— Это не по моей части, в общем-то, — говорю.

— Ну, — говорит, — ни по чьей это части, если прикинуть. Так что там с лишаем?

Я отвожу ее в гостиную — кухня у нас бывает в каком угодно состоянии.

Она показывает место у пацана под коленкой. Выставляю руку, держу на весу, закрываю глаза. Обычно думаю о футбольных счетах или вычисляю вероятность какого-нибудь события, но сегодня вспоминается мне тот случай, когда я спросил Батю, нет ли у него в голове, когда он лечит, каких-нибудь особых слов. Он рассмеялся, но какова настоящая молитва, не сказал, просто запел — что-то про тронуть листок или про небо, про младенческий плач.

— Ну-ка допой, Фрэнк, — сказал он.

Я эту песню от него слышал миллион раз, а потому запрокинул голову и выдал мощно:

— “Верю я”¹.

— То-то и оно, сынок.

В другой раз, после того как он при мне человек пять или шесть принял, со всяким-разным — язва на ноге, сыпь, тик, — я спросил:

— Что ты приговариваешь, Бать? Каждый раз разное?

Он глянул на меня так, будто я репей у него на штанах.

— Я приговариваю “прочь с дороги, я иду”.

— Ты это кому говоришь? Ноге? Богу?

— Я не то чтобы с ним постоянно разговариваю. Но если б разговаривал, я б сказал: “Помечтай же со мной, я на пути к звезде...”²

1 *I Believe* (1953) — популярная композиция американских авторов-песенников Эрвина Дрейка, Ирвина Эбрахама, Джека Менделсона и Эла Стиллмена, звучавшая в исполнении многих музыкантов, в том числе Луи Армстронга, Элвиса Пресли и Перри Комо, но наиболее известна в исполнении итальяно-американского певца и композитора Фрэнки Лэйна.

2 *Dream Along With Me (I'm On My Way To A Star)* (1956) — песня американского композитора и поэта-песенника Карла Сигмена, наиболее известна в исполнении Перри Комо.

И тут он разразился в полный голос. Из всех певцов Перри Комо он предпочитал из-за похожей их истории: оба седьмые сыновья, наделенные даром. Может показаться, что я в таком случае должен быть его любимым сыном, я ж тоже седьмой и все такое. Но нет, любимцем был Берни, мой брат-близнец. Они вечно хороводились вместе, плясали по дому да пели.

Я открываю глаза, оба они таращатся на меня, и женщина, и малец ее. Я, кажись, счет времени потерял.

— Силен он, — говорю. — Погодите-ка.

Приношу с кухни тряпицу — Матерь старый халат порезала на квадратики. Прежде чем вернуться, выжимаю на ткань чуток лимонного сока. Лимонный сок у Матери в большом фаворе. Ко всему она его применяет — к волосам, к чистке рукомыльников, к локтям, ко всему на свете. Никаких вмятых причин считать, что оно и с лишаем поможет, но не повредит уж точно.

— Попросите его треники спустить?

Вид у мальчишки делается негодующий.

— Расслабься, — говорю пацану. — Я не педо. В личной жизни у меня строго одни женщины, от семнадцати до двадцати шести.

К моему верхнему пределу я вообще-то никогда близко не подбирался, но, сдается мне, женщине у нас тут должно быть где-то лет двадцать пять, если судить по этому пацану.

— Это к коэффициенту интеллекта или к возрасту требование? — она мне, а сама такой взгляд мне устраивает, что от него бородавки отмерзнут быстрее, чем от жидкого азота.

Тру тряпицей лишайное место.

— Что это? — спрашивает пацан.

— Реликвия вроде как. Семейная, с давних пор.
— Пахнет освежителем воздуха, — она мне, а сама нос морщит.

— Пахнет лимонными леденцами, — добавляет пацан, преувеличенно принюхиваясь.

— Ага, мы ее держим в особом ящике лимонного дерева. Жуть какое лютое. Три дня подряд нужно приходиться. Буду дома около шести и завтра, и в среду.

Она поджимает губы, словно прикидывает другие варианты. Чего тут думать? Скорее всего, прежде чем явиться к нам, она любые прочие способы уже опробовала — у большинства так.

— Ладно, — говорит.

От мысли по новой огрести ее ехидства у меня внутри чудная дрожь. Хер с ним, если лишай не сведет, — этот мост я перейду, когда до него доберусь.

— До завтра, стало быть, — говорит.

Мы выходим из гостиной, я слышу, как скрипит задняя дверь. Это Матерь, пришла переулками небось. Я поспешно выпроваживаю мамашу с ребенком из парадной.

Пока она шагает по дорожке, я ее окликаю:

— Не уловил вашего имени.

Не поворачиваясь, она мне:

— Джун.

Выходит за калитку, наперстянки и турецкие гвоздики — “милые уильямы”¹ — клонятся над дорожкой,

1 У английского названия турецкой гвоздики (*Sweet William*) множество толкований, ни одно из них не имеет подтверждения; по разным предположениям, цветок назван в честь Уильяма Шекспира или святого Уильяма Йоркского или даже Вильгельма Завоевателя. Также “Милый Уильям” нередко встречается в английских народных балладах о молодых влюбленных, например в балладе “Прекрасная Маргарет и милый Уильям”.

едва не касаясь ее бедер. Джун. Июнь. А сейчас май. Июнь в мае. Как реклама.

Мать просовывает голову в прихожую.

— Думала, ты на работе.

— На этой неделе я рано, — говорю. — Скверный случай лишая.

Мать одаряет меня взглядом, который сообщает мне, что она думает о месте лишая на шкале страдания человеческого.

— На лесопилке затишье, — говорю. — Похоже, скоро опять на полставки перейду.

Замечаю, что Джун оставила на тумбочке пятачку. Мать, когда гадает или с духами беседует, всегда выкатывает целую тронную речь о том, что никак не может она брать деньги, но если человек хочет оставить пожертвование, она не против. Разводить все эти тары-бары мне лень, обычно я прямоком говорю, исходя из того, сколько — на глаз — человек готов дать. Но на Джун, если б у нее не оказалось никаких наличных при себе, я б давить не стал. Или, хуже того, если б я ничего не добился. Сюю купюру в карман. Мать оборачивается быстрее некуда, взглядом обшаривает тумбочку. Поздно, Мать. Достаяю из кармана мелочь, подхожу к банке с жертвованиями. Бросаю в нее два евро. Мать глаз с меня не сводит. Копаюсь в карманах, извлекаю еще одну монету в два евро, бросаю и ее. В итоге мне за труды достается один евро и еще две встречи с Джун. И с пацаном, и с его лишаем. Лучше б бородавки — мне было б куда спокойнее.

Прохожу мимо своего отражения в зеркале в коридоре, провожу рукой по черепу. Волосы лежат немножко как попало. Отчего-то на ум мне приходит Берни. Сегодня утром, на бегу к “каванаховскому”

автобусу¹ до Дублина, как он тряс шевелюрой. С тем же успехом мог бы неоновую вывеску носить на голове: “Г-Е-Й”.

— Выпьем чаю, — говорит Матерь.

Усаживается за кухонный стол. Я сажусь напротив, кладу руки ладонями вниз, как когда-то Батя.

— Чайник не поставишь? — она мне.

Снова встаю, наполняю чайник. Возжусь с кружками и молоком, садиться не сажусь.

— От брата ничего не слышно? — она мне.

— Нет.

— Не вернулся еще. Должен был сесть на автобус в 4:30, но трубку не берет.

— Может, опоздал. Всяко ж может на “Бус Эрэн”² сесть.

— Ты ничего последнее время не замечаешь?

— А что?

— Берни сам не свой, Фрэнк. Очень его мотает.

А заметил я, что для парня, которому нравится развлекаться, он как-то притих. С тех пор, как бросил колледж, тусоваться стал меньше. Иногда, бывает, в Килкенни сгоняет, каких-то новых дружбанов там себе завел, но и все на том. Ну и, может, немножко скрытный стал.

— Чуток потише он, это да.

— С чего он такой, как думаешь? — И смотрит на меня, вся из себя пронизательная.

1 *JJ Kavanagh and Sons* (осн. 1919) — крупнейшая в Ирландии частная компания пассажирских автобусных перевозок, одна из первых на острове. Маршрут “Карлоу — Дублин” — №736, дорога занимает примерно два часа.

2 “Бус Эрэн” (ирл. *Bus Éireann*, осн. 1987) — ирландская государственная компания пассажирских автобусных перевозок, обслуживающая многочисленные маршруты по всей республике за исключением Дублина и дублинских ближайших предместий.

— Может, химическое неравновесие какое-то в мозге.

— Ай, Фрэнк.

— Ну, это ж на нем написано. Либо летает, либо ходит снулый. — И, не добавляю я вслух, он день ото дня все больше гей, если это вообще в силах человеческих. — Может, ему доучиться?

— Не тем у него голова занята, чтоб учиться в колледже. Говорили, он всегда сможет вернуться, когда будет готов. Ему даже на второй год оставаться не придется, всего-то один-два предмета повторить.

Не понимаю я, чего он ушел. Когда Батя умер, Берни слегка съехал с катушек, но в школе остаться все-таки смог, выпускной свид отсидел¹. Я не понимал, зачем это все. Бывали утра, когда я из постели вылезти не мог от усталости, какое уж там школьную форму натянуть. В итоге сколько-то проболтался в мастерской у дяди Мурта, чинил мебель кое-какую, помогал ему ключи вытачивать и обувь чинить. Погодя устроился на лесопилку, а Берни поступил в колледж Карлоу на айтишника.

Матерь ловит прядь волос и вся из себя такая изящная подтыкает ее себе под головной убор. Эта женщина просто рождена для сцены. Понравилось ей с недавних пор носить что-то вроде тюрбана. А поскольку спереди она прицепила на него здоровенный кристалл, все это сооружение то и дело наползает ей на лицо.

— Мне звонил Мурт, — она мне. — У него Лена возвращается.

— Я думал, он ее насовсем выпер. Ежовые рукавицы и все такое.

¹ Имеется в виду экзамен на выпускное свидетельство (*The Leaving Certificate Examination*, ирл. *Scrúdú na hArdteistiméireachta*, с 1925) — аналог современного российского ЕГЭ.

— Нет, она в итоге оказалась, не знаю, в какой-то общине в Майо. Но возвращается домой. По уши в искусстве теперь. Забрала себе в голову дикую затею взять Муртову мастерскую да переделать под галерею.

Карлоу — город некрупный, держаться подальше тут не очень-то выйдет, особенно от родни. Час от часу не легче: то Берни с его метаньями, а теперь еще и Лена с ее выкрутасами нарисовывается.

— И что Мурт думает?

— Она дочь ему, и это ее дом. Как ни крути, семья есть семья.

Дядя Мурт — мужик что ни есть приличный. Когда брак у него распался, Джанин, жена его, замутила с каким-то объездчиком лошадей в Нейсе¹ и забрала Лену с собой. Лена выросла среди больших игроков, мелких жокеев и продувных букмекеров. Когда ее вышвырнули из третьей школы — отправили обратно Мурту. Зачем было совать ее ко мне в класс, сплошное позорище: она курила сигариллы вместо обычных сиг и не снимала кепку даже на физре.

— Постараюсь заглянуть к нему на неделе.

— Было б здорово, Фрэнк. — Матерь испускает долгий вздох и кивает на чайник. — Это еще не всё.

— А еще что? — говорю, а сам кипячу воду еще раз, мочу чайные пакетики. Копаюсь в буфете, нет ли где печенья.

— Надо нам воздавать друг другу по справедливости, — она мне. — В семье.

А вот это уже розовые пони другого оттенка. Я усаживаюсь. Чтоб как-то приготовиться к тому, о чем она

1 Нейс — столица графства Килдэр.

толкует, вцепляюсь в ложку и сосредоточиваю на ней всю свою энергию — как Ури Геллер¹.

— В семье?

Я пытаюсь сообразить, к чему она клонит. После несчастного случая с Батей в доме осталось всего трое: она, я и Берни. Остальные четверо пацанов в Австралии, а Мосси подался в духовное странствие, в каком ему не полагается пользоваться техническими средствами. За вычетом редких открыток он вообще не на связи.

— Что-то происходит, сын, чует мое сердце. Когда вашего отца не стало, я думала, может, кто-то из ребят вернется, но они уехали с концами. Может, рано или поздно объявится Мосси. И вот эта тема с Берни и с тобой... — Тут она умолкает и смотрит на меня в упор. — Что есть, то есть. Надо двигаться вперед.

О чем она, блин? У Берни депрессия, пора ему взять свою задницу в кулак. Найти работу или вернуться в колледж. Делов-то. Как только дар проявит себя во всей красе, я готов облачиться в мантию седьмого сына седьмого сына. Чуток веры в меня у моей же семьи был бы очень кстати. И тут пищит ее телефон.

— Слава Богу. — Матьерь глубоко выдыхает. — Это Берни. Его подбросит сюда какая-то девушка, он с ней в Дублине познакомился. Домой, наверное, придет поздно.

Тру держало у ложки, а она все равно прямая, как дышло, не гнется нисколечко. Вижу в хлебале свою голову, размытую и перевернутую. Двигаю ложку, и глаза у меня в ней делаются то крупнее, то мельче.

1 Ури Геллер (р. 1946) — израильский фокусник, иллюзионист, мистификатор, прославившийся на весь мир в 1970-е, сгибая металлические ложки силой взгляда.

— Ты витаешь где-то, — говорит Матерь.

— Ничего я не витаю. Если ты про деньги, то сколько-то смен на лесопилке я все же беру. Как только целиком проявится дар, источник заработка это будет хороший. Я знаю, Батя не любил брать за это деньги, но у людей сейчас больше достатка, и...

— Я не об этом, Фрэнк. Я просто вот о чем...

Звонит ее телефон. Она принимает звонок — это Сисси Эгар, ее лучшая подружка. Живет прямо через выпас, они друг дружке при желании могут докричаться, но при этом вечно висят на телефоне. Сисси — портниха и вшивает молнии, она знает мерки буквально каждого человека в городе. Матерь кивком дает мне понять, что разговор у нас пока окончен.

Я задумываюсь: Джун со своим пацаном завтра опять придет. Надо устроить все так, чтоб вернуться с работы в приличное время и успеть стонять в душ. Надеюсь, лишай не сделается хуже, иначе смотреться я буду как лох какой-то.

Целительство должно, по идее, передаваться от отца к седьмому сыну само собой; может, сроки сдвинулись из-за того, что Бати не стало так внезапно. Запорол передачу, так сказать. Я всегда представлял себе, как пойду по его стопам — как люди раньше заявлялись к нам на порог и доверяли свое здоровье и надежды в Батины руки. Куда ни пойдешь, хоть в паб, хоть на матч какой-нибудь или еще куда, люди ничего впрямую не говорили, но почтение к тому, что он делал и какое давал облегчение, — оно было у них на лицах. Я, бывало, представлял, как сам принимаю их благодарность, типа такой смиренный, точно как Батя. И вот сейчас у меня обычный случай лишая. Проще простого же должно быть — и будет. Но вот бы чувствовать внутри больше уверенности, что я могу это вылечить.

Подношу ложку к лицу, пока она не накрывает мне глаз. Чайная ложка как раз подходящего размера. Такая простая хрень, чтоб сахар ею брать, а все равно ею можно по неосторожности глаз себе выцарапать. Мать протягивает руку и выхватывает у меня ложку, да как стукнет аккуратно по костяшкам. Пора.

